

**ВОСПРИЯТИЕ США В РУССКОЙ ПУТЕВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XIX в.**

(на материале книги А. Лакиера «Путешествие по Северо-американским штатам, Канаде и острову Кубе»)

В середине XIX в. в русской культуре наблюдается всплеск интереса к США, обусловленный целым рядом факторов, среди которых важнейшим было расширение контактов между двумя народами, в том числе и благодаря путешествиям русских в США. Впечатления от этих поездок получали свое выражение в форме очерков, «путешествий», опубликованных на страницах русской периодической печати и отдельными изданиями.

Одним из них таких текстов является книга А. Лакиера «Путешествие по североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе» (1859), характеризующаяся рядом особенностей: изображение широкого полотна американской жизни, сопоставление «своего» и «чужого», интерес к проблеме национального характера и – шире – особенностям американского образа мира, внимание к новым тенденциям, появляющимся в американском обществе, постановка на фоне изображения «чужой» жизни и «чужих» реалий вопросов, наиболее актуальных для русской жизни того периода, что в определенной степени определяет и угол авторского зрения. Автор формулирует свою задачу как изучение «учреждений» и ознакомление с внутренним бытом страны и общества (1, 1)¹, преследуя явно просветительскую цель – познакомить русского читателя со «страной, которая имеет много общего с Россией и во многих отношениях любопытна» (там же).

Лакиер уже в самом начале текста формулирует исходную посылку своего путешествия: попытаться выяснить, благодаря чему Америка дос-

тигла небывалого расцвета, не только технического, но в особенности социального. Очеркист не скрывает своей симпатии к государственному устройству США, объясняя свой интерес к чужому опыту необходимостью преобразований в своем отечестве: «Какую пользу, какое назидание можем мы извлечь для себя из великого опыта, представляемого страной, с которой сношения... можно предвидеть, примут огромные размеры через Тихий океан?» (там же). Этой задачей обусловлена и структура книги. Так, личные впечатления автора предваряются довольно подробным описанием географического положения страны и ее истории. Лакиер подробно описывает ход заселения континента переселенцами из Европы, этапы освоения новой земли, рассказывает историю образования союза штатов, в том числе каждого штата в отдельности.

Следует, однако, отметить, что в письме к А.Н. Майкову от 11 (23) апреля 1859 г. И.А. Гончаров писал по поводу книги следующее: «Посмотрите... Лакиер выписал все из Банкрофта² – и тот успел! Так жаждут у нас путешествий!»³. Очевидно, что нелестный отзыв писателя касается в первую очередь именно «исторической» части книги и приводимых автором фактов. Тем не менее, представляет интерес само стремление автора «Путешествия» познакомить русского читателя как можно ближе с историей Америки, особенно ее социальных институтов. Лакиер стремится предложить русскому читателю возможно большее число сведений в первую очередь из истории США, раскрыть логику формирования демократической системы. В канун реформ в России с новой остротой ставятся социальные вопросы, повышается интерес к возможным путям преобразований русской жизни.

На широком материале автор убеждает русского читателя, что наиболее справедливым и вместе с тем ожидаемым устройством колоний, положивших основание будущему Союзу, явилось демократическое правление, принципы которого находят в «Путешествии» самое подробное осве-

щение. Описывая становление и борьбу молодого государства за независимость, Лакиер с нескрываемым сочувствием утверждает прогрессивный характер общества, установленного на принципах демократии и равенства: «Но могло ли... окончиться существование того, что так глубоко пустило корни в самом быте и существе переселенцев. Могли ли они отказаться от свободы и равенства, которые носили в душе и за которые перенесли разлуку с отчизною, нужду и лишения?» (1, 52). Именно свобода и равенство становятся, по мысли автора, причиной динамичного развития американского общества и залогом процветания страны.

В связи с этим важнейшее место в «Путешествии» занимает знакомство читателя с социальными институтами Америки, образовательной, пенитенциарной, юридической, банковской системами США. Особенным вниманием автора пользуются общеобразовательные учреждения молодой страны. Так, очерк «Городские школы в Бостоне в Соединенных Штатах Америки» был выпущен ранее всей книги отдельным изданием в 1858 г., в свою очередь, явившись перепечаткой из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1858 г. (№ 189). Как представляется, этот интерес не был случайным. А. Лакиер продолжает традицию американских путешествий первой половины XIX в., когда просветительская установка определяла угол зрения автора. Рассказывая об образовательной системе США, писатель акцентирует внимание прежде всего на том, что она носит всеобщий характер и направлена на воспитание гражданина. Автор показывает несомненные преимущества демократической американской системы обучения: все граждане, населяющие Бостон, умеют читать и писать. Русского удивляет и не может не восхищать степень просвещенности школьников относительно знания прав и гражданских свобод США. А. Лакиер отмечает, что основной целью устройства, в частности, бостонских городских школ является «образование граждан». Решение этого вопроса казалось принципиально важным для русских, оказывавшихся в середине столетия

в Америке. Сквозной в книге Лакиера становится идея необходимости для благоденствия страны всеобщего образования, доступного всем без исключения гражданам. Авторская интенция, как представляется, направлена не только – эксплицитно – на изображение достоинств общеобразовательной системы США, но и в подтексте на сравнение с положением дел в России. Именно достижения демократии особенно интересуют Лакиера в его знакомстве с социальными институтами и учреждениями США. Описывая тюрьмы, суды, анализируя муниципальное управление в городах, он подчеркивает, что краеугольным камнем американской демократической системы является открытость, равенство, уважение к закону и личности гражданина. Среди ее несомненных достоинств – и сила общественного мнения, действенные регуляторы против чиновничьих злоупотреблений. И вновь русский читатель, несомненно, соотносил отечественную и заокеанскую действительность, делая вполне определенные выводы.

Еще одна тема, которая не могла не волновать читателя Лакиера в конце 1850-х гг., – это тема невольничества. Среди зарисовок, сделанных русским путешественником, картины рабства занимают далеко не последнее место. Он достаточно подробно освещает проблему рабовладения с моральной, экономической, социальной сторон. Размышления общего характера перемежаются описанием сегрегации белых и темнокожих американцев, выразительными картинами тяжелой доли невольников, в частности, рассказом о суде Линча, непосредственными впечатлениями автора, посетившего невольничий аукцион, имение плантатора. Лакиер заключает: «Я... жалею, что уважение, какое выносил из северных штатов к их установлениям, было отравлено истинною язвою Америки» (2, 252). Автору «Путешествия» особенно важно показать моральные последствия рабства. В этом смысле можно говорить о продолжении традиции просветителей начала XIX в. А. Радищева, В. Попугаева, Ф. Кони и др. в решении невольничьей темы, утверждавших достоинство человека вне социальных

границ. Одним из самых страшных последствий рабовладения, по мысли Лакиера, является подавление личности, уравнивание раба с вещью, стремление удалить «от негра всяких способов просвещения и подавление в нем идеи о человечестве и достоинстве человека, всякой... мысли о собственности, просвещении, нравственном и религиозном» (2, 215).

В этом контексте совершенно закономерно звучит также имя Гарриет Бичер Стоу, чей роман «Хижина дяди Тома» получил широкую известность по обе стороны океана и пользовался успехом в России. Аллюзии на это произведение появляются и в «Путешествии» Лакиера, выступающего против любых форм рабства. Путевые зарисовки русского иногда явно имеют переключки с американским романом, особенно в сценах купли-продажи невольников: надсмотрщик «махнул ей <купленной негрятке – А.А.>, и та поплелась без слез, жалоб, стонов. Такова ее судьба: она готовилась к ней, и некому ее пожалеть...» (2, 233). Путешественник показывает особенности хозяйствования в имениях плантаторов, приводит примеры судеб рабов, рисует картины тяжелой работы невольников, которые могут навести русского читателя и на мысль о его отечестве. Сопоставление, таким образом, носит имплицитный характер и проходит через многие главы «Путешествия». Автор улавливает и появляющиеся в американском обществе тенденции: нарастающее противостояние северных и южных штатов, столкновение полярных точек зрения на проблему рабства. Лакиер знакомит читателя с атмосферой готовящихся преобразований в американском социуме, что также наводило на мысль о ситуации в отечестве.

Пристальное внимание русского вызывает американский характер. Текст путешествия проникнут стремлением понять особенности национального образа мира, специфику американской ментальности. Лакиер проверяет личным опытом сведения о сущности всего «американского», в том числе и о национальном характере, в изобилии представленные в европейской и русской прессе. Среди них те, что постепенно стали наиболее

стереотипными: индивидуализм, прагматизм, «любовь к доллару», активность, деловитость, решительность действий. При этом более глубокое знакомство с заокеанской действительностью позволяет впервые в тексте путешествия дифференцировать этнические типы американцев, показать мультикультурный состав американского общества. Национальный характер предстает как сложное образование, далекое от однородности. На страницах путешествий появляются коллективные портреты немцев, ирландцев, китайцев, эмиграция которых в Соединенные Штаты в середине столетия начала все более усиливаться, и др. Открытие этого явления было важным и плодотворным для русской культуры, найдя отражение и в художественных текстах русской литературы.

Новой гранью восприятия заокеанской страны является и то, что, побывав в США, русский путешественник замечает связь специфики американского характера с географическим положением той или иной части страны. Так, Лакиер подчеркивает разницу между американцем восточных, западных, северных и южных штатов. Пристальный интерес автора вызывают жители западных штатов, которые осваиваются и населяются «странниками». Именно они являются пионерами Запада, покоряют все новые и новые земли, расширяют границы цивилизованного мира. В «Путешествии» появляется мифологема земли обетованной как одна из ключевых основ американского образа мира. Автор показывает, что к середине XIX в. именно Запад в границах США становится воплощением мечты, которая привела европейских переселенцев за океан, то есть в тексте Лакиера граница «земли обетованной» сдвигается все далее к Тихому океану. «Для американца обетованная земля, куда он стремится мечтами, думами, надеждами, на далеком западе, и он не жалеет ничего, чтобы поселиться в нем» (2, 72).

Как показывает автор, стремление обрести обетованную землю заставляет переселенцев двигаться все дальше и дальше, претерпевать не-

взгоды и опасности. Однако «странничество» американцев наполнено особым смыслом, принципиально иным, нежели в русской культуре: желанием достичь поставленной цели, благополучия и успеха. Важнейшими особенностями характера американцев, заставляющими отправляться в новые края, являются храбрость, вера в собственные силы, активность, готовность начать все сначала. Мотивы обновления судьбы, борьбы с нею, активности и готовности американца круто ее изменить, примеры чередования взлетов и падений в судьбах людей пронизывают текст очерков.

С точки зрения Лакиера, именно деловитость – двигатель американской цивилизации, покоряющей природу. Бурлящая энергия американцев заставляет расти новые города, прокладывать все дальше и дальше железные дороги, высокими темпами развивать промышленность. Интерес к этой стороне заокеанской жизни побуждает путешественника подробнее познакомить русского читателя с особенностями жизни в быстро развивающихся городах – Чикаго, Питтсбурге, Цинциннати, Сан-Франциско. Лакиер подробно описывает город за городом, лежащий на его пути, акцентируя в описаниях мотивы новизны и динамичного роста. Впечатление представителя Старого Света от увиденного так велико, что в тексте Лакиера начинают звучать метафоры, описывающие стремительный рост Запада как «удар магического прутика», «чудеса запада». В Америке важнейшим импульсом к возникновению садов (так, Иллинойс называется краем садов в тексте Лакиера) на месте пустых пространств является свобода предпринимательства, элемент авантюризма.

В отличие от европейского, принцип структурирования пространства в Америке проявляется в экстенсивном его освоении, характере распространения цивилизации, окультуривания «дикого» пространства за счет колонизации все новых земель. Этот процесс происходит как благодаря разработке незаселенных земель, так и за счет вытеснения из родных краев коренного населения, чье пространство не воспринимается как культурно

освоенное. Так, Лакиер уделяет индейской проблеме достаточное внимание на страницах очерков о США, показывая, как цивилизация белых принуждает исконных обитателей Америки либо покоряться ей, либо уходить все дальше и дальше. Тем самым в путешествии, написанном в 1850-е гг., словно находит свое развитие увиденная и предсказанная Пушкиным еще в 1830-е гг. тенденция экспансии американцев на континенте. Спустя почти двадцать лет после написания статьи «Джон Теннер» русский автор фиксирует в путевых очерках справедливость предугаданного поэтом вектора развития событий: «...пока, говорят, остатки их <индейцев – А.А.> можно видеть в Миннесоте на верхнем Миссисипи, и то спешите, потому что и здесь они только контрабандою: земли свои они уступили правительству Соединенных Штатов, и только по старой памяти доходят до старых мест, жалуясь на неудобства, бесплодность предоставленных им на далеком севере пустынь, где их теснят холод и нужда. А по прежним их широким, привольным пастбищам уже скитается мовер <переселенец – А.А.> » (2, 157).

Лакиер показывает драматический конфликт между двумя типами цивилизаций. Рассказывая о малой эффективности усилий, предпринимаемых правительством США в качестве компенсации за необходимость покинуть исконные земли, автор указывает на необратимость процесса вымирания индейцев, исчезновения их племен с лица земли. «Другого, к несчастью, исхода, кажется, нет для народа, которого пора прошла и который умирает от соседства с белым» (2, 166). Судьбы же отдельных людей иллюстрируют возможность межкультурного компромисса, таящего, однако, внутренние противоречия. Лакиер повествует о встрече с «агентом индейцев», который является посредником между правительством США и племенем Дакота. Наполовину белый, наполовину индеец, он впитал в себя черты культуры и белых, и индейцев. Автор показывает, что, с одной стороны, посредник всячески защищает государственную политику изоля-

ции индейских племен, с другой же, принадлежит к племени тех, кто вынужден уходить дальше и дальше на север и кто погибает от «корысти белых».

Столкновение культур, преломляясь в судьбе одного человека, рождает внутренний конфликт и обуславливает драматизм индивидуального жизненного пути. Защищая политику США, представитель дакотов видит вместе с тем, что индейские племена неизбежно вымирают. «Воспоминания ... трогали агента за живое, и как в лице его ни мало было дикого... видно было, что дело не было совершенно чужим. Ему даже больно было расстаться с мыслию о дикости индейцев, и он предвидел одну их гибель...» (2, 167). Таким образом, столкновение молодой, активной, технологически неизмеримо более высокой, требующей все большего жизненного пространства цивилизации с «природным», патриархальным индейским миром разрушает его и делает этот процесс необратимым.

Следует заметить, что представление о молодости американской цивилизации прочно укоренилось в русском сознании еще в первой трети столетия. И в утверждении этой черты американского мира крылось и схождение, и отталкивание от представлений русских о собственном историческом предназначении и собственной культуре. К середине столетия укоренилось представление о том, что заокеанская цивилизация столь молода, что не имеет собственной истории. А бурное развитие промышленности и технологий словно убыстряет течение времени. Не случайно автор путешествия подчеркивает, что американцы все время спешат, постоянно находятся в движении и приводит тому множество примеров. Так, русского удивляет поначалу, что, случайно задев кого-то на улице, американцы не раскланиваются, но причина тому – не отсутствие хороших манер, а устремленность к цели, все тот же прагматизм, стремление сэкономить драгоценное время. Сглаживая возможное неприятное впечатление от такого рода кажущегося европейцу «отсутствия манер», Лакиер, описываю-

ший подобные случаи, добавляет, что в остальном американцы дружелюбны и достаточно открыты.

В «Путешествии» отчетливо показано и разное восприятие времени представителями имеющей тысячелетнюю историю европейской культуры, с одной стороны, и заатлантической цивилизации, с другой. То, что американцам кажется историей, для европейцев – всего лишь «вчерашний день». К примеру, Лакиер, рассказывая об истории города Милуоки, замечает: «История была и вся недолга, по-нашему она начиналась всего со вчерашнего дня, с 1835 года, но на американском западе это чуть ли не целое столетие» (2, 142). Отсутствие традиций, неукорененность во времени и пространстве, возможно, порождают и такую черту американского характера, как интерес ко всему новому, яркому и зрелищному, часто авантюрному, будь то социальная сфера или область культуры.

Наконец, еще одна ключевая составляющая мотивно-тематического комплекса рассматриваемых путешествий – тема России и геополитического будущего двух стран. Автор текста анализирует чувство собственной избранности, характерное для американской цивилизации. Оно обусловлено, по его мнению, молодостью, энергичностью заокеанского мира, нарастающей технической и политической мощи США. Именно желание познать мир с уникальным социальным устройством и обеспечивает, по мнению русских очеркистов, радушие и открытость американцев, живой интерес к России. Так, Лакиер подчеркивает, что «американец убежден, что на всем земном шаре нет страны совершеннее Соединенных Штатов по образу правления и учреждениям, и он охотно открывает пред каждым то, что, он думает, может интересовать его. Русского, которому он предрекает великую будущность, американец любит и хочет изумить его своим богатством, своим скорым ростом» (2, 142). Таким образом, в 1850-е гг. в литературе начинают отчетливо звучать мотивы обоюдного признания

особого исторического пути обеих стран, молодости обеих цивилизаций и их нарастающей силы.

В Заключении Лакиер пишет: «Я вовсе не хотел скрывать недостатков страны, которую изучал. Я знаю, что чем ярче свет, тем больше тени... То, что успела сделать Америка в какие-нибудь семьдесят лет своего самостоятельного существования, ручается за то, что она в состоянии сделать впредь» (2, 397, 398). Автор видит громадные перспективы перед молодой цивилизацией, предрекают ей великое будущее, обусловленное «стремительными переменами во всех частях <Америки> и исполинскими шагами земли сей к могуществу и просвещению» (там же).

Таким образом, в середине XIX в. в русской культуре развиваются во взаимодействии две ключевые тенденции. С одной стороны, продолжается «открытие» Америки, присутствует ощущение знакомства с неизвестным и далеким миром – Новым светом, его узнавание и подробное описание. С другой, это ощущение первичного, непосредственного контакта с инокультурой накладывается на европейскую традицию путешествий в Америку и значительный поток сведений, обуславливая моменты схождения (построение текста Лакиера, учитывавшего европейские источники) и принципиального отталкивания от европейского взгляда точки зрения русского путешественника. Сложное, многоаспектное восприятие Америки характерно для русской литературы и культуры уже в середине столетия. К концу века оно будет все более и более углубляться за счет новых приращений смысла и отражать политические, социальные, культурные тенденции, появляющиеся как в России, так и в США.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Лакиер А.* Путешествие по североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе: В 2 т. СПб., 1859. Первая цифра в скобках обозначает номер тома, вторая – номер страницы.

² Дж. Банкрофт (1800– 1891) – американский политический деятель, дипломат и историк, создатель 10-томной «Истории Соединенных Штатов».

³ *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1980. С. 268.